

Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая

Материалы XI Международной научной
конференции

September 8-11, 2021, Abakan

ANCIENT
CULTURES
MONGOLIA
SOUTHERN
SIBERIA
NORTHERN
CHINA

Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences
South Siberian Branch of the Institute for the History of Material Culture
of the Russian Academy of Sciences
Banzarov Buryat State University
Institute of Archaeology of Inner Mongolia Autonomous Region of China
Irkutsk State University
Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov
of the Tatarstan Academy of Sciences
Renmin University of China
National University of Mongolia
Inner Mongolia Autonomous Region Museum of China
Northwestern University of China
Ulaanbaatar State University
Katanov Khakass State University
Jilin University of China

Ancient cultures of Mongolia, Southern Siberia and Northern China

Transactions of the XIth International Conference

September 8–11, 2021, Abakan

Институт истории материальной культуры РАН
Южносибирский филиал Института истории материальной культуры РАН
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова
Институт археологии Автономного района Внутренняя Монголия КНР
Иркутский государственный университет
Институт археологии им. А.Х. Халикова Академии наук Республики Татарстан
Китайский народный университет
Монгольский государственный университет
Музей Автономного района Внутренняя Монголия КНР
Северо-Западный университет КНР
Улан-Баторский государственный университет
Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
Цзилиньский университет КНР

Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая

Материалы XI Международной научной конференции

8–11 сентября 2021 года, г. Абакан

УДК 902/904
ББК 63.4

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН
Approved for print by the Academic Council of IHMC RAS

Редакционная коллегия:

д.и.н. А.В. Поляков (отв. ред.), к.и.н. М.Т. Кашуба (отв. ред.), д.и.н. А.Д.Цыбиктаров (отв. ред.),
В.М. Лурье (отв. секретарь)

Editorial board:

A.V. Polyakov, Dr of History (executive editor); M.T. Kashuba, Candidate of History (executive editor);
A.D. Tsybiktarov, Dr of History (executive editor); V.M. Lurie (executive secretary)

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор Ю.С. Худяков (ИАЭТ СО РАН),
доктор исторических наук, профессор В.В. Бобров (КемГУ)

Reviewers:

Yu.S. Khudjakov, Dr of History, Professor (Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS),
V.V. Bobrov, Dr of History, Professor (Kemerovo State University)

Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая: Материалы XI Международной научной конференции (8–11 сентября 2021 года, г. Абакан / отв. ред. А.В. Поляков, М.Т. Кашуба, А.Д. Цыбиктаров. — Абакан: ИИМК РАН, 2021. — 376 с.: ил.

Ancient cultures of Mongolia, Southern Siberia and Northern China: Transactions of the XIth International Conference (September 8–11, 2021, Abakan) / executive eds. A.V. Polyakov, M.T. Kashuba, A.D. Tsybiktarov. — Abakan: Institute for the History of Material Culture RAS, 2021. — 376 p.: ill.

ISBN 978-5-907298-19-4

Сборник материалов XI Международной научной конференции «Древние культуры Монголии, Южной Сибири и Северного Китая» содержит работы участников конференции, состоявшейся 8–11 сентября 2021 года в г. Абакан (Российская Федерация). Эта конференция, которая продолжает серию научных мероприятий, начатых в 2010 году в г. Улан-Удэ, была проведена на базе Южносибирского филиала Института истории материальной культуры РАН. Материалы сборника хронологически охватывают большой период времени от палеолита до современности и посвящены актуальным проблемам археологической науки, этнологии и сохранения историко-культурного наследия восточной части Северной Евразии.

The Proceedings of the 11th International Scientific Conference “Ancient Cultures of Mongolia, South Siberia and North China” contain works of participants of the conference held on September 8–11, 2021 in Abakan (Russian Federation). This conference, which continues a series of scientific events started in 2010 in Ulan-Ude, was held on the basis of the South Siberian Branch of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences. The Conference Proceedings chronologically cover a large period of time from the Paleolithic to the Modern Times and are devoted to current problems of archaeological science, ethnology and preservation of historical and cultural heritage of the eastern part of Northern Eurasia.

В оформлении обложки использованы: пейзажная фотография — вид с востока–северо-востока на реку Абакан в районе впадения в нее реки Сос (фотография А.В. Полякова); художественное изделие из рога — Итколь II курган 14 могила 4 (раскопки А.В. Полякова).

In the design of the cover were used: landscape photography — view from the east-northeast of the Abakan River in the area of the confluence of the Sos River (photography by A.V. Polyakov); artistic product made of a horn — Itkol II barrow 14 grave 4 (excavations by A.V. Polyakov).

ISBN 978-5-907298-19-4

DOI: 10.31600/978-5-907298-19-4

© Институт истории материальной культуры РАН, 2021
Institute for the History of Material Culture RAS, 2021

© Авторы статей (фамилии выделены в содержании), 2021
Authors of the papers (the names noted in the contents), 2021

Р.И. Бравина

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Россия)

ВОЗДУШНЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ НА РЕКЕ ОЛЕНЁК В ЯКУТИИ (XVIII–XIX вв.)

В бассейне р. Оленёк в настоящее время зафиксировано около 60 погребений, большинство из которых представлено надземными, т.н. воздушными захоронениями. Учитывая плохую сохранность памятников, представляющих собой хрупкие деревянные конструкции, сооруженные на вечной мерзлоте на столбах-сваях высотой до 2 м, это уникальный случай в археологической практике. Арангас – местное название этих захоронений – термин тюрко-монгольского происхождения.

На погребения бассейна р. Оленёк первым обратил внимание Р.К. Маак, в маршрут экспедиции которого входил и Оленёкско-Вилуйский водораздел. В его известной книге «Вилуйский округ» содержатся графические изображения воздушных захоронений, зафиксированных им на границе Оленёкской провинции. Детей вилуйские якуты хоронили в колоде – обрубке бревна, расколотого на две выдолбленные изнутри половинки. На концах колоды просверливали отверстия для закрепления ее на обрубленных деревьях. Набор сопроводительных предметов из этих захоронений в основном якутский (Маак, 1994, с. 270–278, рис. 49–59; табл. 1).

В монографию И.С. Гурвича (Гурвич, 1977) вошли материалы семи арангасных погребений, обследованных в Оленёкском, Кирбейском и Жилиндинском наслегах Оленёкского р-на. Опора арангасов состоит из двух, трех или четырех столбов высотой 2,0–2,3 м с укрепленными на них массивными поперечными перекладинами, на которых сооружен помост. На нем помещалась гробовина из плах, внутри которой находился гроб-ящик или колода. В некоторых погребениях концы колоды были округлены. Детские арангасы аналогичны описанному Р.К. Мааком захоронению в колоде, установленной на двух срубленных деревьях (Там же, с. 142–143). По мнению ученого, все обследованные им захоронения по своему устройству и инвентарю в общем сходны с якутскими захоронениями центральных районов XVII–XVIII вв. Северные якуты, в отличие от центральных, вывешивали около могилы череп жертвенного оленя, оставляли на могиле нарты, оленью упряжь и седло (Там же, с. 146).

В 1978–1988 гг. исследованием погребальных памятников северных якутов XVIII–XIX вв. на р. Оле-

нёк занималась этносоциологическая экспедиция кафедры философии и прикладной социологии Якутского государственного университета под руководством Н.Д. Архипова. Всего было обследовано около 40 погребений воздушного и наземного типов, из которых одно детское захоронение и почти половина – женские. Большинство исследованных памятников приурочено к устьям больших и малых притоков Оленька (Кутуяхтах, Алакит, Ётёхтёх, Чилиндин Балаганнага, Кырылах Юрягэ, Сурах, Чурбукулах, Улахан Бердакит, Куччугуй Бердакит, Кёбёнг, Улахан Бёгёлю, Ойун Апата, Батыялах, Кюрэ, Сэнке, Долгокор, Биректе, Тонгус Чуостага, Барая, Толуопка, Некэжит) и наиболее крупного притока Арга-Сала (Омолджун, Кенгаде и Сэвэки). В настоящее время в научный оборот введены материалы из четырех шаманских арангасов (Архипов, 2005). Часть артефактов использована исследователем в качестве иллюстрации традиционной культуры северных якутов в научно-популярном издании «Древние культуры Якутии» (Архипов, 1989). Протоколы вскрытий и археологические материалы хранятся в фондах Оленёкского историко-этнографического музея народов Севера (с. Оленёк) и Музея археологии и этнографии Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова.

подавляющее большинство изученных захоронений представляют собой воздушные захоронения – арангасы на двух, трех, четырех и шести столбах. Исключение представляют: арангас Сэнке II, установленный на шести столбах, где над погребальным настилом сооружена двухскатная крыша чардатного типа; парные арангасные захоронения Тонгус Чуостага и Некэжит, погребальная камера которых представляет собой сруб из плах, продольно разделенный досками на две секции.

Топография расположения захоронений, приуроченных к хорошо обдуваемым и богатым ягелем устьям речек, свидетельствует о занятии населения оленеводством. Это отразилось и на составе сопроводительного инвентаря женских погребений, в который входили железное навершие палки для верховой езды – *нёри* и подпружные пряжки – *тимэтин* (Куччугуй Бердакит I, Улахан Бёгёлю I, Батыялах I и II, Кутуяхтах).

Большинство погребений расположено поодиночке, хотя встречаются и групповые (Улахан Бердакит I, II и III; Улахан Бёгёлю I, II, III и IV; Кюрэ I, II, III и IV; Батыялах I, II, III и IV, Сэнке I, II и III). И.С. Гурвич допускает, что у отдельных оленёкских родов, возможно, были определенные для захоронений места (Гурвич, 1977, с. 142).

По сторонам света погребения ориентированы по-разному. В большинстве погребений отмечается ориентировка умерших головой на запад или север с разными отклонениями. Исключение составляют парное арангасное захоронение Некэжит и шаманский арангас Сэнке II, в которых скелеты ориентированы головой на юг, а также два женских захоронения, расположенных перпендикулярно течению реки (Улахан Бердакит I, Улахан Бёгёлю I).

Погребальный инвентарь свидетельствует, что основой хозяйства населения бассейна Оленька была охота на северного оленя. По фольклорным и этнографическим данным, население верхнего и среднего течения р. Оленёк охотилось с помощью оленья-манщика, применяя лук и стрелы, что получило отражение в предметном наборе сопроводительного инвентаря. Фрагменты сложносоставного лука обнаружены в девяти арангасах, в том числе в семи женских (Улахан Бердакит II, Улахан Бёгёлю I, Батыялах IV, Сэнке I, Некэжит, Майында и Тонгус Чуостага). Наибольшей сохранностью отличается экземпляр из парного захоронения Тонгус Чуостага. Он состоит из трех склеенных друг с другом слоев лиственницы и березы и имеет костяные вставки в рогах для крепления тетивы. Лук подобной конструкции был обнаружен И.С. Гурвичем в чардатном наземном погребении возле с. Оленёк. Он состоял из трех слоев – двух лиственничных и наружного (хребиного) березового, сверху был оклеен орнаментированной берестой; тетива была изготовлена из скрученных сухожилий (Там же, с. 32). В отличие от северного типа, луки из якутских погребений Центральной Якутии XVIII в. состоят из двух слоев – лиственничного и березового (Константинов, 1971, с. 113–114). При стрельбе для защиты запястья левой руки от удара спущенной тетивой использовались железные и костяные щитки (*хары, лиэбэнчэт*). Щиток, обнаруженный в захоронении Кюрэ II, изготовлен из крупной трубчатой кости сохатого, на его обоих концах имеются по четыре круглые дырочки для ремешков (Архипов, 2005, рис. 11-1).

Почти во всех погребениях, включая и женские, имеются наконечники стрел разного типа. В женском арангасе Улахан Бёгёлю I в берестяном колчане обнаружен 31 наконечник стрел: железные ромбовид-

ные (5 экз.), четырехгранные с желобком на 4 сторонах (8 экз.), прямоугольные в сечении долотовидные (8 экз.), двурогие (вильчатые) срезни (3 экз.), трехгранные напильниковидные из трубчатой кости сохатого (6 экз.) и один деревянный томар. И.С. Гурвич, характеризуя данные обследованных им погребений, отмечает, что листовидные и долотовидные наконечники использовались при охоте на крупного зверя, вильчатые стрелы – на птицу, а деревянные томары – на пушных зверей (Гурвич, 1977, с. 32). Описание группы наконечников из коллекции Н.Д. Архипова вошло в классификацию железных наконечников стрел, составленную Ф.Ф. Васильевым (Васильев, 1995, с. 73–83). По его мнению, некоторые из них, например вильчатые срезни, типологически близки селькупским и ненецким и, вероятно, использовались не только на охоте, но и в сражениях в качестве бронейных (Васильев, 1995, с. 83).

Другим широко распространенным охотничьим орудием было колюще-рубящее оружие пальма *батыя*. Большой набор их (4 экз.) обнаружен в женском арангасе Улахан Бердакит II. Две из них украшены насечками около насада. Одна вложена в берестяной чехол. Длина клинка наибольшей из пальм – 62,5 см, т.е. по своим размерам она близка к боевому оружию *батас* (Архипов, 2005, рис. 2). Таких же размеров орудие находилось среди трех пальм, обнаруженных также в женском арангасе Улахан Бёгёлю I.

Орудия рыболовства представлены единственным экземпляром железного рыболовного крючка из арангаса Кюрэ II (Победа) (Архипов, 2005, рис. 8-6) и железным наконечником остроги из погребения Алакит II. Наконечник остроги представляет собой трезубец, характерный для тунгусской остроги «кирамки»; каждый зубец наконечника имеет по одной зазубрине.

О кузнечном ремесле жителей р. Оленёк свидетельствует погребение Арангас Кюрэ II, в состав инвентаря которого входили железные изделия, напоминающие зубило укороченных пропорций и инструмент для лужения (Там же, рис. 8-7).

Самым распространенным предметом в составе погребального инвентаря является нож якутской работы.

В двух погребениях – Улахан Бердакит III и Улахан Бёгёлю I – находились небольшие топоры с широким проухом. При отсутствии бородки, что характерно для якутских топоров, это, вероятно, придавало дополнительную прочность насадке топорща. Среди предметов сопроводительного инвентаря арангаса Чилиндин Балаганнага обнаружен четырехгранный напильник.

Почти во всех погребениях присутствует огниво – приспособление для получения открытого огня, состоящее из кресала, трута, отщепов и пластин из кремнистого сланца.

В женских погребениях Кюрэ I и IV, Батыялах I, Улахан Бердакит II находились железные и каменные скребки.

В женских погребениях также найдены «овечьи» ножницы и металлические игольницы (Батыялах I, Биректе I, Кенгяде I).

Из предметов личного пользования встречаются курительные трубки (Батыялах I, Некэжит, Кенгяде I), расчески из бивня мамонта (Батыялах I, Кёбёнг) и металлические снежные очки (Кёбёнг).

Из утвари в оленёкских арангасах присутствуют деревянные миски *кытыйа*, черпаки из дерева и кости (Кюрэ II, Батыялах II, Ойун Аппата, Кырылах Юрягэ, Сурах), берестяные тусы (Сэвэки, Ётэхтёх) и железные котелки (Алакит, Улахан Бёгёлю II, Ойун Аппата).

Одежда погребенных в большинстве арангасов представлена фрагментами кафтана тунгусского покроя, богато украшенного бисерной вышивкой, металлическими пронизками, нашивками-бляхами и западноевропейскими счетными жетонами. Особняком стоит женская безрукавка из арангаса Сурах на границе с виллойским регионом. Ее отличительной чертой является наличие воротника-пелерины, сплошь вышитой бисером и бусами. Передняя часть в области груди имела оторочку из шкуры росомахи. Погребенная была одета в высокую шапку *джабака* с круглым серебряным диском *туосахта*. Шею украшала серебряная гривна с подвесками, а волосы – длинная косоплетка из полоски кожи, сплошь покрытая серебряными бляшками и бисером. Натазники имели сплошной бисерный узор и многочисленные серебряные лировидные подвески. В женском погребении из могильника напротив устья р. Батыялах был обнаружен целиком сохранившийся нагрудник с пятью рядами серебряных бляшек, бус, западноевропейских счетных знаков, по низу отделанный серебряными подвесками в виде парных конских голов.

В комплект украшений часто входили проволочные серьги и серебряные перстни, составные пояса с фигурными медными бляхами и окантованные рядами белого, синего и черного бисера. Наиболее полно они представлены в арангасе Улахан Бердакит II, в погребальный инвентарь которого входили также четыре орудия *батыя*. Украшения составляли медная шейная гривна, литая часть серьги в виде антропоморфной фигуры из меди, пять серебряных

перстней, один из которых имел растительный орнамент, три цельнолитые бронзовые пронизки, пять сердцевидных и ажурных медных бляшек и 87 крупных фарфоровых корольков-бусинок.

Особняком стоит набор сопроводительного инвентаря из детского арангаса Ётэхтёх: деревянная фигурка птички в берестяном футляре, деревянная модель лука и игрушечная стрела, вложенные в тус, и деревянная миска.

В шаманских захоронениях на шестах закрепляли деревянные изображения птиц (Улахан Бердакит I, Кюрэ I), а в наборе инвентаря, наряду с охотничьим луком и наконечниками стрел, встречается большое количество металлических привесок шаманского костюма. Разнообразный набор их обнаружен в арангасах Сэнке I и II: железные изображения небесных светил и духов-помощников шамана в виде птиц, рыб и животных, многочисленные трубочки и пластинки *кыасаан* (Бравина, 2018, с. 75–76, 79).

Северо-западный регион Якутии, расположенный в бассейнах р. Оленёк и Анабар, издавна являлся своеобразной контактной зоной, где в течение нескольких тысяч лет пересекались пути древних племен, а позднее якутских, тунгусских, юкагирских и самодийских родов, долган и русских. Надземные захоронения на помостах имели широкое распространение по всей зоне сибирской тайги (Семейная обрядность..., 1980, с. 225–227, карты 3–5).

В отличие от арангасных захоронений центральных якутов, расположенных обычно в одиночку, в бассейне р. Оленёк встречаются «могильники» из воздушных захоронений. Родовые групповые наземные захоронения имели распространение и у ненцев (Грачева, 1971, с. 253–254). Характерной особенностью оленёкских арангасных конструкций является крепление гроба посредством деревянных брусов или планок в виде четырехугольной рамы. В литературе этот тип крепления гроба считается «ненецким» и имел широкое распространение у туруханских и виллойских эвенков, ненцев и нганасан (Семейная обрядность..., 1980, с. 171, 145, 152; Грачева, 1971, с. 261, рис. 1). По мнению Л.В. Хомич, воздушный способ погребения (на деревьях) был характерен для южных предков современных ненцев еще во времена их проживания на Саяно-Алтайском нагорье. С их выходом в тундру – на рубеже I–II тыс. н.э. – эта традиция трансформируется в наземное погребение среди вертикальных планок, которые, возможно, имитировали ветви дерева (Хомич, 1984, с. 15). Как считает Г.Н. Грачева, такие совпадения не случайны (Грачева, 1971, с. 262). По лексическим материалам Г.М. Василевич, в самодийских районах Мангазеи – Таза

и к северу от Турухана до XVII в. жили эвенки – носители южного диалекта эвенкийского языка, в маршруты кочевий которых входили бассейны р. Виллоя, Лены, Нижней Тунгуски, Турухана и верховья Таза (Василевич, 1948, с. 158, 182).

Представляет интерес конструкция шаманского арангаса Сэнке II, над настилом которого сооружена двускатная крыша типа *чардаат*. По внешнему виду он напоминает *чардаат арангас*, распространенный в Центральной Якутии, где гроб помещается внутри бревенчатого сруба с двускатной крышей. Последний тип надземных сооружений был распространен по всей Сибири, в т.ч. в Туве и на Алтае, где он считался сугубо шаманской формой погребения (Дьяконова, 1975, с. 80–81).

Особый интерес вызывают парные арангасные захоронения Тонгус Чуостага и Некэжит, погребальная камера которых представляет собой низкий сруб из плах, продольно разделенный досками на две секции. Наличие продольных (как и поперечных) перегородок внутри гроба считается одной из наиболее архаичных черт погребального обряда якутов – наследием хунно-сяньбийского времени (Алексеев, Бравина, 2017, с. 86).

Анализ предметного состава оленёкских погребений свидетельствует, что в культуре и хозяйстве населения региона органически переплетались различные по происхождению элементы. Это тунгусский комплект одежды и якутский набор украшений; традиционные орудия охоты, в который входили якутская пальма *батыйа* и железные наконечники

стрел, схожие с самодийскими; предметы кочевого быта, основанного на северном оленеводстве, представленные в материалах арангасов подпружными пряжками *тимэхтин* и женским посохом *нёри*. Примечательно, что свадебные посохи, украшенные железными круглыми бляшками, оленные якуты называли *юс кюннээх ньоору* – «посох с трехсолнечным набалдашником» (Гурвич, 1977, с. 62).

В материалах погребений прослеживаются религиозно-мифологические представления, лежащие в основе обряда погребения. В пространственной ориентации погребений и умерших отражается весьма сложная картография путешествий душ в потусторонний мир, куда они добивались на камусных лыжах *туут* или верхом на оленях. Оленёкские погребения располагались обычно параллельно берегу реки (иногда небольшими группами); умершие укладывались вытянуто на спине, чаще всего головой на запад или север, реже ногами к реке. По представлениям центральных якутов, мир умерших находился далеко на западе, под землей. В отличие от взрослых, души детей в виде птичек возвращались в верхний мир к творцам-божествам, что отразилось в традиции изготавливать по смерти детей деревянные фигурки птиц (арангас *Ётёхтёх*), которые якуты называли *ого уйата*, долганы – *ого кута*. Ориентировка покойных ногами к реке или вниз по течению характерна для «речных захоронений» народов Северной Сибири, в т.ч. долган и ненцев, и, вероятно, отражает горизонтальную модель мира с размещением «мира мертвых» в низовьях рек.

Список литературы

- Алексеев А.Н., Бравина Р.И.** Хунно-сяньбийские реминисценции в культуре якутов // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии: сб. науч. ст. по мат-лам Междунар. науч. конф. «Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии» (г. Улан-Удэ, 3–6 декабря 2017 г.). – Улан-Удэ: Бурятский науч. центр СО РАН, 2017. – С. 84–90.
- Архипов Н.Д.** Древние культуры Якутии. – Якутск: Якутское кн. изд-во, 1989. – 190 с.
- Архипов Н.Д.** Шаманские захоронения Оленека XVIII века // Оленёкский улус: история, культура, фольклор / Отв. ред. С.И. Боякова. – Якутск: Бичик, 2005. – С. 49–58. – (Улусы Республики Саха (Якутия)).
- Бравина Р.И.** Шаманы – избранники Небес и духов. – Якутск: Бичик, 2018. – 160 с.
- Василевич Г.М.** Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. – Л.: Учпедгиз, 1948. – 353 с.
- Васильев Ф.Ф.** Военное дело якутов. – Якутск: Бичик, 1995. – 224 с.
- Грачева Г.Н.** Погребальные сооружения ненцев устья Оби // Религиозные представления и обряды народов

Сибири в XIX – начале XX века / Отв. ред.: Л.П. Потапов, С.В. Иванов. – Л.: Наука, 1971. – С. 248–262. – (Сборник МАЭ. – Т. XXVII).

Гурвич И.С. Культура северных якутов-олeneводо-в. К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа. – М.: Наука, 1977. – 247 с.

Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. – Л.: Наука, 1975. – 164 с.

Константинов И.В. Материальная культура якутов XVIII в. (по материалам погребений). – Якутск: Якут-книгоиздат, 1971. – 212 с.

Маак Р.К. Виллюйский округ Якутской области. – 2-е изд. – М.: Яна, 1994. – 576 с.

Семейная обрядность народов Сибири (опыт сравнительного изучения) / Отв. ред. И.С. Гурвич. – М.: Наука, 1980. – 240 с.

Хомич Л.В. Об иноэтнических элементах в традиционной культуре ненцев // Этнокультурные контакты народов Сибири / Под ред. Ч.М. Таксами. – Л.: Наука, 1984. – С. 14–29.

R.I. Bravina

*Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences (Russia)*

AERIAL GRAVES ON THE OLENEK RIVER IN YAKUTIA (17TH–19TH CENTURIES)

The article summarizes and systematizes the materials of funerary sites of the population of the Olenek River basin investigated by I.S. Gurvich (1940s) and N.D. Arkhipov (1980s). The tribes, who inhabited the Arctic Region from ancient times, were engaged in reindeer husbandry and hunting, roaming the endless northern tundra, reaching the Turukhansk Territory. Areas of aerial graves are spread in the territories of the Turukhansk and Vilyui Evenki, Yukagirs and

Samoyed peoples – Nganasans and Nenets. The analysis of the composition of the graves indicates that in the culture and economy of the population of the Olenek River were intertwined organically with elements of different ethnic origins. These are the Tungus set of clothes and the Yakut jewelry set, traditional hunting tools, including the Yakut *batyja* palm and arrowheads, as well as nomadic items based on the traditions of reindeer herding.

KEYWORDS: *Arctic Region, Yakutia, Olenek River basin, 17th–19th centuries, aerial graves, elements of different ethnic origins.*